

Книги Андрея Величко
в серии
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

Цикл
«ИНЖЕНЕР»

**ИНЖЕНЕР ЕГО ВЫСОЧЕСТВА
ГЕНЕРАЛ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА
ГАТЧИНСКИЙ КОРШУН
КАНЦЛЕР ИМПЕРИИ
МИРОТВОРЕЦ**

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АНДРЕЙ ВЕЛИЧКО

МИРОТВОРЕЦ

РОМАН

Москва, 2012
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
В27

Серия основана в 1992 году
Выпуск 788

Художник
И. Воронин

Величко А. Ф.

В27 Миротворец: Фантастический роман.— М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 346 с.: ил.— (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-1269-3

Жизнь каждого человека состоит из череды шансов, которыми кто пользуется, а кто и нет. Инженер Найденов не упустил своего, и теперь он государственный канцлер Российской империи. Долг платежом красен, и Найденов дал этой империи шанс избежать бесславной гибели, а она им воспользовалась. Но кто даст шанс всему миру? И главное, какой?

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1269-3 © Величко А. Ф., 2011
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

ПРОЛОГ

— Дорогой, мне кажется, что твой проект относительно эмбарго Японии пора представлять в Сенате.

— А не рано? — усомнился двадцать седьмой президент САСШ Тафт.

— Не думаю. Ведь нужно, чтобы не только они успели прореагировать и сделать что-либо противоречащее международному праву, но и нам оставалось время для усиления нашего присутствия на Филиппинах. Мы же демократическая страна, и избиратели не поймут, если это будет сделано без видимых причин.

— Хелен, но ты ведь читала доклад Олриджа, — возразил супруге президент. — А там вроде доказано, что мы все равно не успеем сконцентрировать достаточно сил для убедительной победы.

— Уильям, постарайся, пожалуйста, меня понять. Вспомни войну с Испанией — ведь в обществе имелось определенное противодействие! Некоторые даже выражали сомнения относительно того, кто именно устроил взрыв в Гаване. Но ведь сейчас у нас гораздо более серьезный противник, и для победы необходима полная поддержка обществом действий правительства. Мы — демократическое государство, и мы не можем позволить себе нападать на кого-то по незначительному поводу. Но наш противник по сути

тирания, агрессивность у японцев в крови. И они просто не смогут пропустить такого удобного случая напасть на нашу еще недостаточно подготовленную к боевым действиям группировку... Причем наверняка нападут внезапно, практически без объявления войны, как они это семь лет назад сделали с Россией.

— Но ведь после разгрома его вменяют в вину именно нам?

— Почему же? Еще раз повторяю: мы — мирная, демократическая и ни с кем не собирающаяся воевать страна. Но в силу осложнения международной обстановки мы вынуждены увеличивать наше военное присутствие на Филиппинах, чтобы иметь возможность защищать жизни и собственность находящихся там американских граждан. А когда японская военщина вероломно, без объявления войны нападет на них и уничтожит, это сплотит народ Америки лучше любых речей. Однако тебе придется аккуратно проследить за тем, чтобы туда не попали действительно ценные корабли и части.

ГЛАВА 1

— Мишель, поздравляю вас с рождением третьего сына,— сказал я его высочеству великому князю Михаилу Александровичу, главкому нашей авиации.— И разрешаю вам задержаться в Питере на день. Больше, увы, не могу.

— Понимаю, Георгий Андреевич, спасибо.

Я положил трубку. Ну наконец-то принцесса Масако, то есть уже шесть лет как великая княгиня Марина Владимировна, родила младшему брату императора очередного сына! А то даже неудобно было отправлять его в Ставку под Смоленском, при жене-то на сносях. Ну, с этим вроде все, можно вернуться к текущим делам. А текли они явно к войне, это было видно уже совершенно невооруженным глазом.

— Как появится японец, сразу запускайте,— велел я дежурному и задумался. Похоже, визитер прибыл ко мне в связи с какими-то не очень понятными тенденциями в Корее.

Эта страна находилась под японским протекторатом, чему, естественно, нашлось много недовольных. И они, что тоже естественно, вскоре почувствовали потребность сбиться в кучу, то есть в партию, и начать бороться за свободу. Вот если бы они это раньше сделали, когда мы с японцами воевали! Так ведь нет,

даже при поддержке шестого отдела никакого выступления против оккупации своей страны у них не получилось. А сейчас, значит, зашевелились... Увы, слишком поздно, помогать им теперь у нас не было ни малейшего желания. Правда, пара агентов среди них у нас все-таки имелась, так что я был более или менее в курсе.

Так вот, то, что корейское сопротивление существовало на американские деньги, выяснилось довольно быстро. Кроме того, агенты предполагали и наличие в данной партии своих коллег из Страны восходящего солнца, но ни по персоналиям, ни даже по количеству завербованных сведений у них не было. И еще в последнее время там обострились экстремистские тенденции. В частности, один из наших агентов, изображавший из себя беглого эсера-бомбиста, недавно получил задание организовать подпольную лабораторию и весьма приличные деньги на это.

— Господин Есукэ Мацуока! — сообщил мне селектор.

— Запускайте.

Интересно, это тот самый или просто однофамилец? — подумал я, здороваясь с гостем.— По возрасту вроде подходит... Впрочем, неважно.

— Я вас внимательно слушаю.

— Один наш общий знакомый просил передать вам, что он по-прежнему в восторге от анимэ,— поклонился японец.

— Вот даже как? Тогда садитесь, и я слушаю вас еще более внимательно.

Услышанная мной фраза была нашим с премьер-министром Ито паролем, означавшим, что произнесший ее является личным посланцем с каким-то важным сообщением.

Гость начал. Ну, в общем, чего-то примерно такого

я и опасался... В вашей реальности князь Ито был убит каким-то корейцем в девятом году, а у нас одной из причин внедрения мной агентов в Корею было желание не допустить такого. Ну и самого Ито я предупредил, понятно, и был рад, когда девятый, потом десятый год кончился, а премьер оставался живехонек. Причем, по словам его посланца, он знал о готовящемся покушении, но принял меры всего лишь для его отсрочки. Чтобы, во-первых, данное действие произошло в наиболее подходящее для Японии время, а во-вторых, отсрочка была использована для сбора дополнительных доказательств причастности штатовцев к этому делу.

Нет, у них там никто не рехнулся настолько, чтобы накануне войны заказывать японского премьера. Американцы просто спонсировали корейскую, скажем так, оппозицию. Но вот мозгов подумать, насколько в той Корее не любят именно Ито, штатовцам не хватило. А японцы через своих агентов еще и потихоньку направляли умонастроения подпольщиков в нужную сторону. Позавчера же события вышли на финишную прямую — борцам за свободу были слиты сведения о распорядке дня и ближайших маршрутах премьера.

— Мой господин почтительно просит вас не вмешиваться, — закончил посланник.

Да уж... Вопрос типа «а что, помельче фигуры не нашлось?» можно не задавать, только зря людей обижу. Вот, значит, как они решили вопрос с поводом для вступления Японии в войну...

— Я уважаю выбор господина Ито и не буду препятствовать его планам, — кивнул я. — Кроме того, сегодня вечером вам будут переданы все наши материалы по действиям американцев в Корее. В свете только

что изложенного можете использовать их по своему усмотрению.

За ужином я рассказал об услышанном Гоше.

— И почему это я микадо не завидую? — флегматично осведомился он, ковыряя вилкой тушеную капусту. — Мне ведь никто ничего подобного предлагать не собирается. И слава богу, если серьезно. Не так уж много в мире людей масштаба господина Ито, чтобы ими так разбрасываться. У нас-то с поводом на всякий случай все нормально, а то я как-то до сих пор не удосужился проверить?

— Величество, ну совсем-то за раздолбая ты меня не держи. Не то что нормально — практически идеально! Доказательства что по первому, что по второму эпизоду железные.

По первому они были не только железными, но и стопроцентно правдивыми — по результатам допросов Рейли-настоящего была проведена большая работа, и теперь мы могли аргументированно объявить, кто и как организовывал покушения на Мари и Гошу, вылившиеся в убийство Николая Второго.

А вот второй эпизод, хоть и был снабжен не менее железными доказательствами, все же не являлся примером скрупулезного следования истине. Да, три с лишним года назад англичане профинансировали анархистов и даже намекнули, что на эти деньги неплохо было бы устроить что-нибудь вроде покушения на какого-нибудь чиновника покрупнее — об этом те самые анархисты уже на следующий день наперебой рассказывали в седьмом отделе. Так что им доверили украсть пушку и оснастить ею катер, после чего отправили по камерам зубрить свои показания, а мои люди поплыли стрелять по окнам Зимнего. Кстате, не только получив при этом задуманные политические результаты, но и поспособствовав развитию искусст-

ва — написанная по мотивам тех событий картина Сурикова «Покушение» получилась очень даже ничего.

В общем, поводов для вступления в войну первыми, если вдруг такое понадобится, у нас было достаточно. Правда, будь моя воля, я бы в нее вообще вступал на год-полтора позднее, потому как степень нашей готовности была довольно далека от полной. Так что наш план ведения боевых действий предусматривал в основном оборону. Наступать должны были немцы, ну и экспедиционный корпус Богаевского вместе с ними.

Но насчет приближающейся войны у меня имелось и еще одно соображение, которое пора было, кажется, донести до Гоши, что я и сделал:

— Вот только, величество, ты уж извини, но главнокомандующим придется стать именно тебе.

— Да, — согласился император, — была мысль и это на кого-нибудь свалить, но по некоторому размышлению от нее пришлось отказаться. Ну а ты будешь моим первым замом и на данной должности — это, надеюсь, понятно? И когда, кстати, японцы собираются начать передислокацию армии Ноги?

— Да в общем уже начали помаленьку, вроде за месяц должны управиться, мы им как раз сейчас готовим летние лагеря под Брестом.

Под словом «мы» я подразумевал трест «Спецстрой», образованный из пленных китайцев. За работу на наших западных границах им было обещано увеличение платы аж до тридцати копеек в день, причем десять из них должны были выдаваться на руки, так что недостатка в добровольцах не ощущалось.

Минут через пять, когда я пожрал, а император закончил с приемом пищи, он предложил:

— Ладно, давай пока маленько отвлечемся. Я тут потихоньку и про после войны думать начал — на

тему о том, как бы нам организовать у себя в верхних эшелонах власти какую-нибудь элиту. Потому как то, что там сейчас имеется, этим словом трудно назвать даже из вежливости. Какая-то она не такая должна быть, как мне кажется... Чего молчишь?

— Готовлюсь родить афоризм. Вот, вроде созрело, слушай. Элита должна быть элитной!

— Что? — не понял Гоша.

— Это краткий пересказ твоих прошлых и будущих размышлений на данную тему. А по делу: ты, по-моему, допускаешь системную ошибку. Считаешь, что раз есть элитные щенки, то, чуть поднапрягшись, можно вывести и элитных чиновников. Например, сейчас градоначальник — должность, а будет породой. Так?

— Если отвлечься от твоей манеры все сначала до предела упростить, а потом опошлить, то в общем мне как-то так оно и представляется. Ведь не зря же дворянство было придумано! Это, по-моему, первая попытка искусственного отбора с целью закрепления положительных качеств.

— И что, они закрепились? — ехидно осведомился я.— А ведь времени уже о-го-го сколько прошло. Да если у нашей империи хоть полстолько будет, то она по длительности существования переплюнет любые известные нам. Тут ведь вот в чем дело: определяющими качествами чиновника является вовсе не цвет волос, форма носа и ширина пятой точки — мозги у него должны быть! А желательно — еще и вполне определенные моральные принципы. Я, конечно, не такой уж специалист, но на примере кошек могу сказать. Все эти породистые твари ничуть не умнее своих дворовых собратьев, а уж характер и вовсе от цвета шерсти практически не зависит.

— Сам же говорил, что нам нужен механизм воспроизводства элиты!

— То-то и оно, что именно механизм — нечто по отношению к этой элите внешнее и ей чужеродное. Потому как сама она может развиваться только по законам вида, то есть в направлении расширения своей кормовой базы и уменьшения зависимости от окружающей среды. Поэтому любой средний элитчик пусть даже и незаметно для себя, но будет пытаться подгрести под седалище как можно больше благ и при этом как можно меньше зависеть от государства, ибо окружающей средой для него является именно оно.

— Ага, и передо мной сейчас сидит прямо-таки классическое подтверждение этих тезисов? Можешь обижаться, но ни малейшего сходства с нарисованной тобой картиной я не вижу.

— Так ведь я — исключение. Не потому, что такой уж высокоморальный и умный, а по трем другим причинам. Первая — во власть я попал уже полностью сформировавшимся человеком с определенной и совершенно не свойственной элите системой ценностей. Вторая — в эту самую власть я, собственно говоря, и пришел-то не сам, а был притащен тобой на буксире. А если бы сам шел, то наверняка по дороге или сдох бы, или оскотинился до уровня наших слуг народа. И третье, самое главное — государство для меня не окружающая среда! Оно, возвышенно говоря, мое в какой-то мере творение. Чуть ли не дитё, блин. И для тебя тоже, и для Михаила... Но вот бездумно увеличивать количество людей, которые имеют право говорить про государство «мое», нельзя. Вон, в тутошней России попробовали, родственничков твоих, которые страну своей вотчиной считали, развели черт знает сколько. И если бы мы их не того, так ничего бы приличного у нас не получилось...

В общем, простого и однозначного решения проблема воспроизводства элиты не имеет. Но вот механизм ее избавления от лишних — он прост, однозначен и, будучи запущен, уже дает неплохие результаты. Помнишь, как у нас в самом начале обстояли дела с подшипниками для моторов? Закупали в десять раз больше, чем нужно, потом отбирали лучшие, да и то в дальнейшем периодически приходилось движки половинить до срока, чтобы вынуть оттуда оказавшиеся скрытым браком. Так что и систему воспроизводства элиты я себе представляю примерно так, а конкретно — пока неплохо работает институт комиссаров. Совершенствовать, понятно, мы его еще будем, он не идеален, но в качестве первого шага получилось неплохо, как мне кажется. А твои евгенические идеи... Знаешь, давай-ка мы их нашим наметившимся партнерам из Федерации предложим! Мол, отправляете нам материал. Мы его — в закрытый питомник, и начинаем селекцию. Потом у вас проходит пять лет, у нас — двести пятьдесят, и вы получаете первый помет невооруженных чиновников.

Правда, тут просматриваются некоторые трудности, я в свое время читал про такой вот опыт над крысами. Суть его в том, что одну крысу начинали мучить на глазах других, и те по поведению четко делились на две группы. Первой мучения несчастной товарки были глубоко по фигуре. Во второй крысы очень переживали, сочувствовали мучимой. Потом подождали потомства, следя, чтобы случки происходили только внутри групп, и, когда оно подросло, повторили опыт уже на нем. Так вот, среди потомков и черствых, и душевных крыс распределение по этому параметру было практически одинаковым и таким же, как до отбора. То есть моральные качества по наследству не передаются. И интеллект тоже.

Попытки вывести породу особо умных крыс кончились неудачей. Но, что интересно, потомки особо дурных особей оказались несколько глупее среднего уровня! Я, честно говоря, тоже думаю, что идиотизм передается по наследству, потому как в молодости имел счастье поработать под руководством сына того самого, многократно мной поминаемого Хрущева. Ну точно такой же недоумок, как и его папаша! Наш институт находился, как я уже говорил, напротив Нескучного сада, и как-то раз возникла необходимость в переезде лаборатории, где я работал, из одной комнаты в две другие, соседние. Руководил этим процессом как раз сыночек, и получилось один в один как у папаша, хорошо хоть не в масштабах страны. Переезд был организован через другое здание, на Воробьевых горах! То есть сначала он решил, что, раз в Союзе объявлена перестройка, нам надо не в соседние комнаты, а туда. Только успели перевезти аппаратуру, урод передумал. Мол, езжайте обратно, куда и было поначалу задумано. Пока ехали, у него и вовсе возникли мысли насчет закинуть нас на другой конец Москвы, но тут директор из отпуска вернулся¹. Так что процесс выведения новых пород чиновников обещает быть весьма нелегким...

Гоша улыбнулся.

— Но вообще-то нам сейчас этим заниматься недосуг, — решил сменить тему я, — или, раз уж речь зашла о чиновниках как классе, то и не до сук. Лучше скажи, по вашим с Машей каналам откликов на твою недельной давности речь не поступало? Потому что по моим — молчок, даже газеты и то практически проигнорировали это дело, кроме самых желтых.

— Нет, а почему должна быть реакция? Я же не привел никакой конкретики, так что напрямую не

¹ Реальный случай (авт.).

придерешься. А придираться к сказанному намеками они начнут не раньше, чем это им будет выгодно, так что это я тебя должен спросить, когда мне начнут выражать возмущение... плавно переходящее в мобилизацию.

— Думаю, что в середине июля, во всяком случае, в Лондоне считают именно так. А в Париже вообще хоть завтра готовы начать. Зря, что ли, Пуанкаре дали пролезть в премьеры. Позавчера вон Жореса грохнула какая-то сволочь, совсем лягушатники озверели. Однако мозгов не нападать на Германию в одиночку у них, к сожалению, хватит. И раз уж речь зашла о французах, давай-ка я у тебя насчет одного финансового дельца проконсультируюсь, в смысле ты уточнишь, государственное оно будет или мое личное.

Это я намекал на недавнюю историю, когда на свои деньги начал организовывать музей истории авиации. В частности, выкупил у Израиля уворованный ихними специалистами английский тяжелый бомбардировщик «либерейтор». Величество тогда заявило, что я, понимаешь, его этим обижаю, и взяло дальнейшее финансирование музея на себя. Ну а сейчас я заинтересовался последним шедевром французского танкостроения, который был выпущен серией аж в одиннадцать экземпляров. Казалось бы, один вес говорит об этом изделии все — сверхтяжелый танк «Даву» тянул на восемьдесят пять тонн! Но инженерные находки этим отнюдь не исчерпывались. Трансмиссия была с электроприводом, в результате чего запас хода на одной заправке с трудом удалось довести до сорока километров. Пушка имелась всего одна, но зато это была морская шестидюймовка. По-моему, ее вместе с башней взяли от какого-то небольшого дрейноута. Перевозился этот шедевр на трех специальных платформах. На одной собственно танк, на другой его

башня, на третьей кран для снятия этой башни и постановки ее обратно. Надеяться, что такие монстры уцелеют в процессе боевых действий, было бы идеализмом, и я поинтересовался у своих израильских друзей, сильно ли процесс несправедливого заимствования танка отличается от такового для самолета.

— Разумеется, это государственное дело,— с энтузиазмом подтвердил Гоша,— пусть тащат, мы его где-нибудь на площади поставим. Причем хорошо бы успеть до войны, чтобы установить его прямо к ее началу. Мол, смотрите, какие чудовища на нас прут.

— И какие у нас союзники,— дополнил я,— что даже такое сумели... хм... ну, мелкие подробности мы опустим.

ГЛАВА 2

— Ну вот,— отложил я бумагу,— опять величество на меня бочку покатит. Заранее, что ли, позвонить и сказать, что я тут ни при чем?

Документ представлял собой план-график оснащения радарными кораблей нашего флота. Но так как слову «радар» в этом мире просто неоткуда было взяться, то поначалу они назывались радиолокационными измерителями. Однако когда дело приблизилось к принятию их на вооружение, мой секретный отдел потребовал заменить раскрывающее принцип работы изделия название на какое-нибудь нейтральное, под которым они теперь и фигурировали во флотских документах. Все бы ничего, но это нейтральное название было образовано из трех первых букв фамилии главного конструктора с добавкой «скоп» после них. А если кто забыл, то напоминаю: конструктора звали Кристиан Хуельсмайер.

— Зато вышло полное нераскрытие принципа работы прибора вкупе с не менее полным описанием его свойств,— усмехнулся Боря Фишман.— Действительно, довольно-таки фиговатый «скоп» получился. Так что я тут в порядке инициативы сделал еще одну разработку, может, и успеем кому поставить к началу войны. Сантиметровый радар ближнего действия, пригодный для артиллерийских расчетов, на базе магнетрона от микроволновки из того мира, у нас они пока для подобных целей не годятся. Это не замена комментируемого тобой метрового, который Крис кое-как домучил, а его дополнение. Дальность всего километров двадцать, в хорошую погоду до тридцати, но зато не так боится тряски и позволяет довольно точно мерить расстояние. И, раз уж тебя почему-то взволновало название, то ему и другое можно придумать, чуть попрличней.

— Тогда тебе, как автору, и карты в руки.

— В наших внутренних бумагах он фигурировал как «криптовизор».

— Сойдет, пусть им останется, а когда первые экземпляры будут?

— Три комплекта уже сделаны и едут в Питер, а дальше мы можем делать по две-три штуки в месяц, пока магнетроны не кончатся.

— Ладно,— сделал пометку я,— диктуй наиболее подходящую для тебя марку, озадачу народ.

— И еще СВЧ-транзисторы, они у меня тоже потусторонние. В общем, вот тебе спецификация. Можешь не пороть горячку, на десять комплектов у нас пока все есть. Кстати, мой прибор и самолеты видит, правда, только металлические. «Тузики», например, в упор заметить не может... Но это ладно, а вот что ты тут с моей Алечкой сделал? Отказывается в Георгиевск ехать!

— Да мы с ней и не виделись почти,— удивился я,— а чем мотивирует-то?

— Дескать, скоро начнется война, и она будет нужна здесь, а там ей просто нечем заняться. И еще говорит, что все величества не только сами никуда не убегают, но и семьи оставляют в Питере, стало быть, ей сейчас покидать столицу никак нельзя.

— В общем-то она права,— пожал плечами я,— так что пока придется сохранить все как есть.

Надо заметить, что женитьба заметно повлияла на Борю. Нет, разумеется, не в том смысле, что он перестал бегать налево — просто теперь он делал это несколько реже и с соблюдением прямо-таки выдающихся мер конспирации. Причем это просек не только я, но и глава русского отдела МИ-6 Пакс, который начал разработку операции по сбору компромата на Борю с целью последующего шантажа. Естественно, допустить такого я не мог. Но и до столь выдающейся жестокости, как приказное склонение Бори к моногамии, я тоже доходить не собирался, так что пришлось немножко поработать.

— Тут еще вот какая тонкость имеется,— сказал я и вкратце посвятил Борю в коварные планы английской разведки.

— Алечка выше подобных пошлостей! — отреагировал Боря, но как-то не очень уверенно.

— Выше так выше, но зачем ей вообще зря напрягаться на эту тему? Вот, познакомься с интересным человеком, по данному направлению вы будете работать вместе.

Открылась дверь, и в кабинет, сверкая сапогами и серебряными цацками на черном мундире, вошел гауптш... то есть, тьфу, генеральный комиссар Фишман.

— Тоже Борис,— представился Боре вошедший,—

ну а вас мне представлять не надо, сами понимаете. Работаю у Алафузова, а на ближайшее обозримое время прикомандирован к вам в качестве двойника. Буду замещать вас на публичных мероприятиях, ну и постараюсь взять на себя общение с английской разведкой, если потребуется. Наконец, если кому-то вздумается шантажировать вас компроматом, всегда можно будет сказать, что на самом деле это компромат на меня.

— О... очень приятно... — Обалдевший Боря пожал руку своему двойнику. Картина была интересная, так и хотелось посмотреть, где же тут зеркало... Впрочем, я заметил, что мундир на двойнике сидит как-то более естественно, хотя является точной копией Бориного. И отглажен получше, если присмотреться.

— Борис Николаевич, — обратился я к двойнику, — вы, кажется, тоже обратили внимание на некоторые тонкости?

— Да, Георгий Андреевич, обратил, уже думаю, что поправить. Вот для этого как раз и нужны регулярные личные контакты.

— Борис Николаевич в Георгиевске будет жить у тебя, — пояснил я Боре.

— Да на здоровье, у меня в доме твоими стараниями еще человек двадцать поселить можно.

Действительно, когда Боря начал строить себе коттедж, я настоял примерно на трехкратном увеличении его размеров, имея в виду как раз ситуации наподобие этой.

— И, кстати, — продолжил я, — ты же после меня в Зимний, к своей Алечке? Так имей в виду, что ты туда прибыл как раз после литургии в Исаакиевском. А то уже кое-кто по углам шепчется о недостаточном твоём рвении в православии, что ни к чему. С меня пример бери — почти что ни единой праздничной службы

не пропустил! Мой двойник, я имею в виду. У меня даже записано, где эти службы были, когда и по какому поводу, во избежание...

После ухода Бори я отправился к Танечке, надо было кое-что согласовать. Лица, причастные к убийству Жореса, в общем были уже выявлены, да и прочих, в рассмотрении приближающейся войны явно зажившихся на этом свете, имелось достаточно.

Я еще раз посмотрел список и утвердил его. Новейшие коллоидные иглы для пневматиков были уже на месте, так что оставалось только дать отмашку к началу операции, что я и сделал. Танечка сняла трубку и распорядилась:

— Радиограмму по двенадцатому каналу, цифры — двадцать шесть, пятьдесят один. И продублируйте объявлением в «Пари суар».

— Объявление будет содержать только цифры, не подозрительно ли? — на всякий случай спросил я.

— Ой, да там чего только не объявляют, похлеще, чем у нас,— хмыкнула Татьяна,— и потом, объявление будет самое обычное, со словами: «Меняю с доплатой одну любовницу пятидесяти одного года на две по двадцать шесть».

— Ну а теперь займемся чуть более отдаленными делами,— предложил я.— Список приглашенных уже готов? Давайте почитаю, может, что-то вызовет вопросы.

Через пару недель должен был состояться небольшой бал в честь дня рождения моей дочери. Ей исполняется четыре года, девочка почти уже совсем взрослая, пусть привыкает к великосветским раутам, пригодится. Так, в общем понятно... А эти тут откуда взялись, Мари вставила? И почему последнее имя подчеркнуто?

В списке было четыре незнакомых мне фамилии, скорее всего, датских.

— Да, это предложение Марии Федоровны, — подтвердила Танечка, — а графиня Эструп подчеркнута потому, что есть подозрения о ее связи с английской разведкой.

— Ну тогда уж точно надо пригласить, — развел руками я.

— Значит, я внесу еще двух девочек специально для присмотра за ней, а к наружному наблюдению, если вы не против, можно подключить и «шестерку».

Ближе к вечеру я двинулся в Зимний — часок-другой пообщаться с семьей, после чего предполагался длинный ужин с величеством. Впрочем, последнее время все ужины продолжались как минимум часа по полтора. Потому как война скоро, однако... Ну и микропортал мы держали уже не по полчаса, а не менее часа, натренировавшись делать его совсем маленьким, миллиметров пять в диаметре, что давало возможность практически не тратить ни сил, ни внимания на его поддержание. Это понадобилось нам для относительного ускорения времени в том мире. Теперь соотношение в среднем было чуть меньше одного к тридцати. Потому как иначе наши тамошние партнеры ну вовсе ничего не успевали сделать.

После визита на высшем уровне Никонов посетил нас еще раз, в процессе чего были согласованы взаимные территориальные уступки. Мы выделяли Федерации почти весь остров Николая Первого в Аральском море, за исключением небольшого прибрежного куска, где будут открываться порталы, и примыкающей к нему площадки под аэродром. Там будут

размещаться чисто потусторонние предприятия. Кроме того, территорией Федерации становилась примерно четверть острова Городомля на Селигере. Этот остров предназначался для совместных проектов и главного грузового терминала. Ну а Вольфшанце становилось посольством РФ в Российской империи.

Нашим посольством пока считался коттедж на Торбеевом, но в ближайшее время его планировалось перенести в Москву, на Даниловскую площадь, где напротив Гознака имелся довольно симпатичный особняк с огороженной территорией. Нам это место импонировало тем, что в нашем мире тут еще с девятисотого года находилась штаб-квартира московского филиала Машины финансовой империи.

Покончив с ужином и мельком глянув на слабо светящийся микропортал, Гоша погрузился в изучение привезенных мной бумаг.

— Решили все-таки отказаться от сверхскоростного поезда? — поинтересовался он, просмотрев первые несколько листов.

— Все нет, но это так быстро не получится. Пока их товары пойдут маленьким автопоездом, вот фотографии. Потому что обычный через портал никак не пролезет.

— Да что же это за цирк такой? — удивился император.

— Это не цирк, а то, на чем в советское время возили народ по ВДНХ, они это откопали где-то и даже привели в рабочее состояние.

— А то, что там сейчас ездит, пожалели?

— По-моему, не ездит сейчас ничего подобного. Впрочем, точно не знаю, я там давно не был, потому как никакой главной выставки страны на этом месте уже нет, а есть, блин, какой-то нью-черкизон невысо-

кого пошиба, куда и заходить-то противно тому, кто помнит, что тут было раньше. Кстати, надо попробовать купить кое-что из экспонатов, пока еще не до конца все растащили... Хотя там почти ничего и не осталось, самолеты — и то порезали в хлам и вывезли на помойку.

— Что-то я у тебя тут природоохранных документов не вижу,— заметил Гоша,— остров на Арале — ладно, но ведь без четкого регламента как бы они нам весь Селигер не загадили.

— Вторую папку открой, она вся про это. Самому пришлось вникать, потому что Никонов, зараза такая, успел поинтересоваться насчет охоты! В Завидово они уже всю живность перестреляли, что ли? И зря ты так пренебрежительно про Арал, там сейчас совершенно уникальная природа. В общем, эти территории мы им предоставляем только на условии непричинения вреда местной флоре и фауне.

— Очень интересно... А это тут как оказалось: «без предварительного согласования в имперских территориальных водах могут находиться только лица в купальных костюмах общей площадью не более десяти квадратных дециметров для мужчин и двадцати для женщин, из техники допускается только наличие очков и наручных часов».

— Так ведь граница их территориальных вод установлена в десять метров, а дальше идут наши. То есть купаться можно и дальше, а вот ловить рыбу — разве что только руками. Ну или трусами, если они заранее сделаны из сетки.

Гоша, почитав еще минут пять, отложил папку.

— Ладно, про сайгаков я слышал, хотя не очень представляю себе, что это за зверь. Но мартышки-то там откуда?

— Не знаю, я все зверье велел выписать из отчета экспедиции Бутакова¹, только на всякий случай добавил в перечень камышовых котов — а вдруг они там есть? И специально пометил, что их уничтожение будет нами рассматриваться как преступление, требующее экстрадиции его совершившего.

— Только котов берешь под защиту, а с остальными что — с теми же сайгаками, например? Их же небось захотят стрелять в первую очередь.

— Вот бумажка для Маши, пусть цифры вставит — штрафные санкции за не согласованное с нами уничтожение фауны острова. И передай ей, что если вставит меньше миллиона за голову — вообще от меня больше ни одной соболиной шкурки не получит. А сайгак... помню, видел в зоопарке такую зверюшку. Козла ты себе представляешь, надеюсь? Ну и еврея наверняка тоже. Так вот, сайгак — это и есть козлиный еврей. Горбоносый, с большими грустными глазами и даже с какими-то пейсами. Бутаков пишет, что они совсем людей не боятся, с рук хлеб едят! А эти уже в первой партии грузов собрались завезти полсотни карабинов «сайга»... Я так прямо и сказал, что никакого живодерства не допущу, а буде оно все-таки случится — отвечу тем же самым. Так что вот тут отдельно про оружие: на всю колонию разрешен ввоз двадцати «макаровых», а в качестве гражданского оружия — пневматики с энергией выстрела не более трех джоулей и резинострелы. Не дам перебить наших мартышек, кто бы ни скрывался на Арале под этим наименованием. Все прочитал? Тогда давай, как и договорились, подготовимся к завтрашней тренировке.

Я положил на стол небольшой ларчик, раскрашенный хохломой на библейские темы. Его особенно

¹ Алексей Иванович Бутаков — российский военный моряк, контр-адмирал, один из первых исследователей Аральского моря.

стью являлось то, что, кроме крышки, он имел точно так же открывающееся дно. Его я и открыл, предложив величеству:

— Запоминай внутренний вид. Запомнил? Ну тогда расширяем микропортал примерно до двадцати сантиметров в диаметре.

Мы расширили, и я закинул туда шкатулку.

— Девочки отнесут ее в дальний угол участка, — пояснил я, — а завтра будем тренироваться открывать большой портал через предварительно созданный маленький внутрь этой коробки. Потому как нет у нас с тобой сейчас ни времени, ни права по тамошней Москве шастать для открытия пилотного портала в наше посольство.

Следующее утро я начал с того, что лично убедился в готовности команды из четырех человек, которая должна была везти ларчик для открытия портала из коттеджа на Торбеевом в Москву, на Даниловскую площадь. Дамы уже неплохо представляли себе тот мир, потому как это были те, что ездили с нами в Усурийск. Мужская половина команды собиралась в потустороннюю Москву в первый раз, хотя готовилась уже полгода. Подготовка заключалась в том, что из самых крепких в вере иноков Высоцкого монастыря было выбрано два наименее любопытных и, честно говоря, просто туповатых. Все полгода настоятель монастыря отец Пантелеймон усиленно внушал им, что на их долю выпала высочайшая честь — молиться об успехе очень важного дела помазанника Божия, коим является его величество. После чего они были рукоположены и откомандированы в мое распоряжение.

Смысл этого дела состоял в том, что, во-первых, никакого вреда от искренней молитвы быть не может, считал я. Относительно пользы я был не уверен, но ее возможности вовсе не отрицал. А во-вторых, показы-

вать людям оттуда какой-нибудь прибор, якобы открывающий портал, было бессмысленно, все равно довольно быстро разберутся, что это муляж. А вот лицемерие усердно молящихся об открытии портала монахов может и сподвигнуть тамошние власти на поиск подобных и у себя. Это будет хорошо еще и тем, что, возможно, хоть как-то поспособствует оздоровлению обстановки в тамошней церкви, а то, насколько я помнил, ситуация там была примерно как в нашей империи, если не хуже...

Поговорив с дамами, я отослал их и занялся ориентированием монахов. В общем, новость о том, что им придется подвижничать в ином, полном самых что ни на есть дьявольских соблазнов мире, их не особо взволновала, они были готовы и не к таким подвигам. Отослав и их, я прослушал запись беседы и с некоторым смущением обнаружил, что у меня, кажется, получилась вольный пересказ песни Высоцкого про инструктаж кузнеца перед заграничной поездкой. Помните: «Мол, у них пока что лучше бытово. И, чтоб я не отчебучил не того, он мне дал прочесть брошюру, как наказ — чтоб не вздумал жить там сдуру, как у нас». Во всяком случае, я ухитрился упомянуть и про шпионок с крепким телом, и про то, что от тамошних подарков надо сурово отвернуться.

ГЛАВА 3

В конце мая я обновил свое недавнее приобретение — личную «Пчелку», пришедшую на смену заслуженной «Кошке». На этом самолетике дорога до Георгиевска заняла два с половиной часа, то есть практически как у персон соответствующего ранга в том мире, если сравнивать с перемещением из Моск-

вы в Питер. Правда, летел я все-таки дольше, но зато от кабинета в Гатчинском дворце до аэродрома я добрался за семь минут, а в Георгиевске от самолета до своей тамошней резиденции — за четыре. Встретивший меня управляющий первым делом показал мне новых обитателей дома — двух полугодовалых котят, только что присланных из недавно образовавшегося Каспийского филиала второй летной школы. В филиале имелась кошка, которая, к удивлению тамошнего народа, однажды вдруг взяла и забеременела — и это при полном отсутствии котов в радиусе по крайней мере ста километров от места дислокации филиала. Узнав об этом, я предположил, что она где-то пообщалась с местным донжуаном из камышовых котов, которые человеку на глаза просто так не показываются, и попросил прислать пару котят, как только подрастут. Насколько я помнил, потомство камышового кота и обычной кошки сочетает в себе мощь и размеры папы с одомашненностью мамы, а то ведь камышовые плохо приручаются.

Но прилетел я все-таки посмотреть не на котят, а на прибавление в семействе «Выхухолей» — дальний высотный разведчик «Страхухоль». Действительно, этот самолет, хоть и с небольшой натяжкой, уже можно было считать стратосферным. Он мог подниматься на двенадцать километров, причем не на пике горки, а в горизонтальном полете. Предваряя вопрос: неужели в Российской империи освоили выпуск высотных турбокомпрессоров, сразу скажу, что нет, не освоили, хотя и пытались. В данном случае мы поступили так, как Петляков в вашем мире — то есть просто установили в фюзеляже еще один мотор, который и крутил компрессор, обеспечивающий воздухом все три движка и гермокабину, а заодно и обогревал ее. У Петлякова такое решение привело к тому, что самолет перестал

быть бомбардировщиком, потому что дополнительный мотор и запас бензина для него съели почти весь запас грузоподъемности. У нас в общем-то тоже, но зачем нужна грузоподъемность разведчику? Цейссовская фотоаппаратура весит немного, несмотря на высочайшее качество. Еще у самолета имелась возможность быстрой установки двух авиационных двадцатитрехмиллиметровых пушек. Правда, при этом уже нельзя было брать полный запас бензина. Это давало возможность при необходимости использовать их как высотные истребители — мало ли, а вдруг у противника появятся настоящие стратегические бомбардировщики? Да и дирижабли, способные преодолеть девятикилометровый рубеж высоты, имелись и у англичан, и у американцев.

Так что я сел изучать документацию. После обеда — два вывозных полета, а завтра слетаю вторым пилотом на предельную высоту. И не говорите мне, что второму лицу империи такие вещи не положены! Потому как я живой человек, а значит, могу невзначай переутомиться, если время от времени не отвлекаться от текучки и не воспарять в горние выси. А от переутомления недолго и озвереть, что при моей должности, да плюс еще с недавно полученными дополнительными полномочиями, может иметь весьма нехорошие последствия.

Высотный полет был совмещен с визитом на авиазавод номер три, то есть московский, где в числе прочего делались и первые тяжелые бомбардировщики «Гриф», сразу серией в десять штук. От предшественника, то есть «Грифона», эта машина отличалась тем, что в названии у нее пропали две последние буквы, с крыльев исчезли два мотора из шести, и вообще это был совершенно другой самолет. Нормальный четы-

рехмоторный бомбардировщик, по своим параметрам примерно соответствующий Пе-8 вашего мира. Вся серия имела узкий бомбардировочный фюзеляж, то есть была непригодна для использования в качестве императорского борта номер один — ничего не поделаешь, придется величеству пока довольствоваться «Кондором» или «Пчелкой». Ну не позволяли наши возможности без ущерба для бомбардировочной программы построить еще и пассажирский лайнер.

Убедившись, что на третьем заводе дела идут вполне терпимо и получив уточненные сроки начала испытаний «Грифов», я вернулся в Георгиевск. Надо было еще заскочить к другу Боре и напомнить ему кое о чем... Впрочем, еще в приемной стало понятно, что напоминаний не требуется.

— Фиговатая у вас звукоизоляция,— попенял я секретарю,— вы уж будьте так добры проследить за исправлением этой недоработки, а я в следующий визит проверю.

После чего я счел возможным прислушаться к доносящимся из-за двери Бориным возмущенным воплям.

— Где экшен? Драйв у вас где, я кого спрашиваю?! Какого черта вы растянули пролог на двенадцать страниц, если в нем всего две с половиной драки, да и то без членовредительства? Это получается не приключенческая литература, а оголтелая пропаганда злостного пацифизма! Ведь дождетесь, что я вас в спортшколу отправлю на ускоренные курсы рукопашной. И тема сисек в вашем опусе не раскрыта совершенно... А вы чего скалитесь — ваш бред я тоже успел прочесть! Правда, всего до пятой страницы, но мне хватило. Вы же пишете исторический роман! Понимаете, ис-то-рический! То есть в нем должен быть колорит эпохи. А у вас герой приезжает в Венецию и

за пять страниц встречает всего двух дам. Венеция, чтоб вы знали,— это не пустыня Гоби! Ладно, пусть всего две. Но с какой стати вы вообразили себя Вальтером Скоттом? Ваша фамилия Косозадов! Ах, Косозадов? Тогда тем более. И вашего героя зовут не святой Антоний и даже не Айвенго, а Казанова! Где потрясающие воображение постельные сцены? Ах, героиня копит силы... Вы, я чувствую, явно их перетратили! В общем, пока не представите приличный роман, ни в «Путаниум», ни к мадам Изабелле вас не пустят, я распоряжусь. Какое еще вдохновение? На серпуховском вокзале будете муз отлавливать!

Да, подумалось мне, Боря не забыл мою просьбу поспособствовать прогрессу англоязычной литературы. И не стал тащить из того мира готовое, потому как оно начало создаваться позже, да и все равно потребует серьезной правки, а взялся сам. В смысле набрал негров и теперь явно знакомится с результатами их труда. Однако пора, пожалуй, и обозначить свое присутствие...

— Вот! — обрадовался Боря.— Допрыгались? Ей-богу, доведете, что я вашу халтуру дам почитать господину канцлеру! Ладно, на сегодня все свободны.

— Видал? — пожаловался он мне.— Прямо хоть из нашего мира тащи мастеров описывать, как верхняя половина героя мочит врагов, а нижняя в это время трахает все остальное, что шевелится. Правда, тут и моя ошибка есть — я им дал аванс.

— Это ты зря,— покачал головой я,— они же творческие люди, по физиономиям сразу видно. Пока не пропьют, ничего приличного ты не получишь. Кстати, а про художников ты не забыл? К книжкам же обложки придется малевать и иллюстрации — тоже для здешних работа неординарная, наверняка так сразу

не получится соответствующая дебильность, без которой оформление книг подобного жанра не обретет должной законченности.

Через день я улетел из Георгиевска под Смоленск, в Ставку Верховного Главнокомандования. Как я уже говорил, главнокомандующим вообще-то был Гоша, но он в основном собирался пребывать в Питере. Его первым замом — я, и где я буду, точно еще неизвестно, но, скорее всего, там, где в данный момент окажусь нужнее. А вторым замом был Кондратенко, ему-то и предстояло осуществлять общее руководство боевыми действиями. Целью моего визита в основном было как следует проверить все виды связи в Ставке. Ну и хотелось своими глазами оценить, так сказать, моральный климат в коллективе. Дело в том, что Кондратенко, хоть и получил недавно генерал-адъютанта, по производству все же был младше своего пребывающего в том же чине начштаба Куропаткина.

В общем, картину я увидел вполне приемлемую. Куропаткин действительно взял на себя всю штабную работу, а Кондратенко мотался по войскам, а в Ставку прилетел только для встречи со мной. Причем и его, и начштаба, как выяснилось, очень интересовало: а что же происходит в Генштабе? Я успокоил генералов, сказав, что ничего интересного. Действительно, в свое время Генштаб был задуман как место, куда можно было приткнуть Николая Николаевича, а то он одно время порывался командовать гвардией, но после его кончины надобность в этой конторе сильно уменьшилась. В основном мы использовали ее как приманку для заграничных разведслужб поплоче, потому как серьезные на это уже не клевали. То есть там имелась пара румынских шпионов, целых три ав-

стрийских, один итальянский, который уже достал Танечку регулярным предложением своих услуг, и один сербский. Начальник Генштаба Янушкевич подрабатывал на англичан, но не на Пакса, а на Форин Офис, и тоже неоднократно порывался покаяться — правда, не Танечке, а Алафузову. Ну и особняком стоял предмет моей особой гордости — уругвайский агент. Вот, например, в Российской Федерации тоже есть Генштаб, и, думаю, чужих агентов там всяко побольше, чем у нас. Но уругвайского-то небось и нету! А у нас — вот он, и вся история с его вербовкой обошлась нам всего в три с половиной тысячи рублей.

Кроме шпионов, в Генштаб отправлялись офицеры и генералы, которых вроде и гнать-то из армии было не за что, не говоря о большем, но и в частях они были ни к чему. То есть пока сидят спокойно и никому не мешают — пусть сидят. Вздумают возмутиться — тут же разоблачим пару-тройку агентов помельче и инкриминируем возмутившимся связь с врагом вплоть до пособничества.

Вот это я и рассказал генералам, теперь уже можно было раскрывать действительное положение дел. Кондратенко посмеялся, а Куропаткин сообщил, что, по его мнению, в Генштабе все-таки есть несколько толковых офицеров, которых он хотел бы видеть в Ставке, раз они в Питере не нужны. Я попросил список и пообещал, что пришлю их сюда сразу по возвращении в столицу.

После Ставки я слетал в расположенный неподалеку первый истребительный полк РГК, к Полозову. Он так и не поднялся выше комполка, хоть и стал генерал-майором. В основном, конечно, потому, что командовать чем-то большим он и не стремился... Но тут он действительно был на своем месте. Истребительных полков РГК пока было всего два, и формиро-

вался третий. Вооружены они были «Стрижами» — машинами, по всем данным на голову превосходящими любой истребитель в мире, и укомплектованы лучшими асами России. Их назначение — обеспечить на любом выбранном командованием участке полное господство в воздухе. Нельзя быть сильным везде, но в ключевых точках — можно и нужно.

Проведя остаток дня у Полозова, утром я вылетел домой, в Гатчину.

Там мне предстояла еще одна важная встреча, и надо было выделить денек на изучение материалов перед ней. Пожалуй, не помешает небольшое уточнение...

При общении с техническими специалистами любого профиля трудностей у меня не возникало — все же базовое образование позволяло довольно быстро вникнуть почти в любую проблему. Но мне предстоял разговор с медиком, причем далеко не последним, а именно: с товарищем министра здравоохранения Евгением Сергеевичем Боткиным. Нужно было познакомиться с недавно возникшим у меня подозрением. Дело в том, что я случайно узнал: первые случаи «испанки», пандемия которой разразилась в восемнадцатом году, были зафиксированы еще в девятистом году! То есть вирус-мутант тогда уже был, а значит, сейчас он тем более есть. И что, если определяющим фактором в его развитии является не время, а условия? Например, резкое увеличение количества раненых, просто ослабленных голодом и авитаминозом, плюс связанные с войной перемещения огромных масс людей — вдруг именно это подстегнуло лавинообразное распространение вируса? Тогда мы можем получить пандемию не в восемнадцатом году, а в

ближайшее же время. Вот об этом я и хотел поговорить с доктором Боткиным.

— Евгений Сергеевич,— сказал я ему после обмена приветствиями,— в преддверии приближающейся войны я хотел поговорить с вами о гриппе. Давайте использовать именно это слово, оно более конкретное, чем исторически сложившееся «инфлюэнца». Может, вы порадуете меня какими-нибудь новостями?

— Кое-какие новости есть,— кивнул Боткин,— в частности, вирусную природу гриппа можно считать доказанной. Но почему вас интересует именно это, далеко не самое опасное заболевание?

— Да потому, дорогой доктор, что в моем образовании хотя и имелся ускоренный медицинский курс, преподанный мне дедом, но он был, в общем, непрофильным. Поэтому многие сведения хранились где-то на задворках памяти, я их почти забыл из-за неиспользования в практической деятельности. Но вот недавно вспомнил одно, и оно меня сильно беспокоило. Речь идет о способности вирусов к мутации. Дед говорил, что она циклична, и наиболее короткой постоянной времени обладает именно вирус гриппа. Она составляет всего чуть больше десяти лет.

— Однако грипп, он же инфлюэнца, описан довольно давно, и особых изменений не видно,— возразил Боткин.

— Давайте я постараюсь рассказать, как мне это представляется, а вы уж потом прикиньте, есть ли тут зерно истины. Итак, вирусы мутируют. Направления мутаций случайны, большинство просто вредные для этого вируса, так что их носители быстро исчезают, не успев закрепить в потомстве свои свойства. Одним из вредных для вируса направлений мутации является

повышение ущерба, наносимого им организму-носителю.

— Это как? — заинтересовался Евгений Сергеевич.

— Возьмем для примера обычный грипп,— предложил я.— Зараженный им человек, особенно если он молод и вообще-то здоров, некоторое время переносит болезнь на ногах, кашляя, чихая и чуть ли не плюясь на окружающих, что создает отличные условия для распространения вируса. Потом на несколько дней он ложится в постель, и организм справляется с заразой — иногда при помощи медицины, но чаще, увы, вопреки ее усилиям. Потом выздоравливает, то есть может быть использован повторно... А теперь представьте себе, что вирус мутировал так, что при заражении им человек через несколько часов сваливается в жесточайшем жару, а через сутки умирает. Понятно, что в таких условиях вирусу существенно труднее распространиться, да и люди гораздо серьезнее относятся к карантинным мероприятиям, если болезнь смертельна.

— Постойте,— наморщил лоб Боткин,— что-то такое было в шестом году, только мне не удалось узнать подробностей... А, смерть Думбадзе, ялтинского градоначальника! Тогда действительно болезнь развилась до летального исхода менее чем за сутки, и теперь я понимаю, почему вы этим заинтересовались и зачем принимали жесткие меры — опечатывание особняка, изоляция всех близких... Потом, насколько я в курсе, подобных случаев там больше не было.

Произожди подобный разговор лет на десять раньше, я бы, пожалуй, покраснел, ибо в те далекие времена был моложе и сентиментальней. Потому как единственное, чего я не очень точно знал про поразивший Думбадзе вирус,— это был он калибром семь шестьдесят два или же шесть с половиной миллиметров.

ПОСЛЕСЛОВИЕ АВТОРА

Вот и подошла к концу последняя, пятая часть первой книги про дядю Жору. Ведь с самого начала это был один роман в пяти частях, просто достаточно длинный. Роман о том, как инженер Найденов захотел, чтобы история покинутого им мира не повторилась в новом, и ему удалось претворить свое желание в жизнь.

Но автор не прощается со своими героями и их миром, ведь осталась масса неоконченных дел и просто вопросов без ответа. Например, что такое портал и откуда он, вообще говоря, взялся? Будут ли развиваться отношения Российской империи с РФ, и если да, то в каком направлении? Скоро ли просторы космоса начнут бороздить магнитопланы? В общем, Найденов пока не собирается на пенсию, а ведь он, и выйдя на нее, может много чего учинить, характер у него довольно деятельный. Причем есть еще и император, он моложе, а пенсия ему вообще не предусмотрена. Так что, как мне представляется, вряд ли мы надолго расстанемся с дядей Жорой, его друзьями и подругами. И разумеется, с кошками.